

*...Приехала. Безмолвно в доме, пусто.
Недвижны вещи, и куда ни глянь —
Сиротством веет... «Господи Иисусе,
Ты — дома, но о чём ты плачешь, Тань?!»
В дому теперь не пахнет пирогами.
Где скатерть та, что иссиня-бела?
Бежала с большака проулком к маме,
Но нет её... При ней сирень цвела,
Заглядывая в окна фиолетом,
А ныне там обрубки и кусты...
Конечно, ведь сейчас зима, не лето,
И всё другое. И другая ты...*

*...Вздохнули половицы... В рамке — фото,
Где мама молодая держит шприц.
Кольнуло в сердце, словно близкий кто-то
Вернул забытых несколько страниц —
Заставил пристальней взглядеться в годы,
Где стёрто многое... Но вижу мать,
Которая в жару и в непогоду
Спешила мыть, и шить, и постирать.*

Задумуюсь: и как всё успевала?!
Печь истопить, сварить «курям картошь»
И выровнять на койке одеяло,
Чтоб не ругала вздорная свекровь.
Перекрестив, смотреть мне вслед до школы.
Корову подоить, гусей согнать.
Исполнить в ФАПе^{*} банки и уколы,
Потом лежачих дома навещать.
Попутно из сельпо буханки хлеба
Соседке престарелой и себе
На саночках тащить по белу снегу,
Прибрать весь двор, уют создать в избе.

Вам рассказать, как замуж вышла мама?
...Был бой, она за раненым ползла...
Вот паренёк, нога пробита. Рану
Перевязала, этим и спасла.
Потом, перевалив на плащ-палатку,
Тащила до своих, боец без сил,
Но удалось прийти в себя солдату.
«Как звать тебя?» — лишь это он спросил.
Она ему фамилию сказала
И номер своей почты полевой...
Потом другим на помощь убежала.
Бой кончился — другой начался бой...

...Был день весенний. Часть уже под Прагой...
Пришёл боец, представился Петром:
«Тебя ищу давно! Твоя отвага
Спасла мне жизнь, я ранен был в бедро.
„Рождён в рубашке“, — так хирург усталый
Сказал... Полдня мне ногу собирал.
Решил я твёрдо, врать мне не пристало:
Люблю! Женою будь мне!» — Пётр сказал...
Тут затряслась земля, шатнулось небо
От сотен залпов. Словно оглушив,

* ФАП — фельдшерско-акушерский пункт.

Гремели, и неслось кругом: «Победа!»
Их расписал на радостях комдив.
С тех пор в те дни, как зацветают вишни
И День Победы радостью звенит,
Отец смеялся: «Надо же, как вышло:
Я — свататься, а рядом был комдив!»

Они тудяги оба! Знаешь, мама,
Мне кажется, ты ночью не спала.
Он — сильный самый и умелый самый,
Но рана фронтовая догнала...
Что знаете про вдовий хлеб вы горький?!
Как двор держать и детям подсобить...
А ночью дорогую гимнастёрку
Родного мужа целовать.

И жить!

И по дворам опять идти с обходом,
Чтоб выявить трахому и сыпняк.
И роженицу приготовить к родам,
И обучить её: чего да как...
Был случай: в полночь вызвали на роды —
В конец села... Там бабоньке рожать.
Спешила. Руки — спиртом! Глядь, уж воды,
За ними — мальчик! Вдох! И он — кричать!
«Ах, милый, ростом будешь с колокольню!»
Обмыла! Пуповиночку прижгла!
Кряхтит... «Хорош!» Родильница довольна.
С зарёю мамочка домой пришла.

Последний мой приезд... Её лагони,
Больные пальцы в толстых узелках...
«Вас, молодых, конечно, не догонишь,
Уж старость... — и с улыбкой на устах: —
Мне только бы держать покрепче ложку,
Чтоб на халатик не накапать суп,
Мне подышать бы выбраться немножко
И на ступень присесть, в отцов тулуп

Укутаться — не знаете одёжу?
Вы в куртках и в косухах, молодёжь!
А как в санях-то без тулупа можно?
Соломою от ветра не спасёшь...»

Присела на родимое крылечко.
Замокла. Вижу, слёзы на щеке.
Поглаживает на руке колечко.
А мысли бродят где-то вдальеке...
Тут и поведала, как Грома в сани папка
Впрягал, чтоб ехать к деду через лес...
Приехали. Им дед: «А где же Танька?»
«Как так? Она была в тулупе здесь».
Мы привезли на розвальнях колоду,
Что осенью для дела дед купил,
Тогда вмешались дождь и непогода,
Тащить по грязи не хватило сил.
...Вернулись к лесу. Поворот с опушки.
Завёрнутая в клетчатую шаль,
Лежит, не плачет, полгода девчушке,
Посапывает. «Вот он, ваш хрусталь, —
Дед хохотал, — нашлась она, пропажа!»
Лишь мама — в слёзы: «Я — плохая мать!»
Ах, не учуяла потерю даже,
Колоду, вишь, важнее удержат!»

...Склонилась к маме: «В городе машинки
Стиральные и газовый котёл.
Живёшь в своей деревне по старинке!
(Да, газ туда и ныне не дошёл...)
Поедем в город!» — «Ни за что на свете!
Ни за коврижки! Золотом обсыпь!
Здесь на погосте поджигает Петя,
По нём нельзя в квартире вашей выть!
А здесь — поплачу я и посмеюся...
Припомню имена односельчан...
На этаже без воли задохнуся...»

*Езжай к семье и, право, не сердчай!»
...Я — за порог, тут мама вышла в сени,
Обняв, вернулась в дом, где печь с плитой...
Опять в свои дела... Не зная лени,
Крутилась до минуты роковой.*

*Зима. Погост. Свечу не гасит ветер.
Стою сироткою меж двух могил.
Вот тот, кого она любила, — Петя...
А тут — она... Недавно кто-то был,
Цветы засохли... Хлеб... Молю прощенья!
Горька потеря! И нельзя вернуть...
Не сдерживаю слёзы очищенья,
Мне покаянье разрывает грудь.*

Образ медицинского работника ФАПa собирательный. Митрофанова Мария Андреевна, Дёмкина Тамара Андреевна, Янбулатова Рейся Нургалиевна, Ушакова Галина Ивановна, Борисова Мария Борисовна работали фельдшерами с года выпуска из медицинского училища, создали семьи, взрастили детей, внуков и работали в медицине долго, много лет уже находясь на пенсии... Съёмщикова Тамара Васильевна, Ефимова Любовь Фёдоровна были сельскими фельдшерами, но ездили сдавать кровь для больных и стали ещё и почётными донорами. Пётр Павлович и Мария Трофимовна Кошелевы поженились 9 мая 1945 года. Она когда-то вынесла его с поля боя, и он полюбил свою спасительницу на всю оставшуюся жизнь. Вместе медики работали в Белозёрском ФАПe до глубокой пенсии. Кочеткова Любовь Дмитриевна первоначально работала акушеркой, но после ухода на пенсию фельдшера Низаметдинова Х. К. всю работу пришлось взять на себя: и раны перевязывать, и инъекции делать, и прививки детям, и роды принимать... Всех не перечесть. Склоняю голову пред ними.